

УДК 82-94

Тимонин Е.Ю.

Московский городской педагогический университет

**ЖАНРОВАЯ ТИПОЛОГИЯ ВОЕННЫХ ЗАПИСОК А.К. КАРПОВА И
А.И. АНТОНОВСКОГО (ПРИНЦИПЫ ОТБОРА, ИЗОБРАЖЕНИЯ И
ОЦЕНКИ СОБЫТИЙ)**

E. Timonin

Moscow City Pedagogical University

**GENRE TYPOLOGY OF MILITARY NOTES BY A. KARPOV
AND A. ANTONOVSKY (PRINCIPLES OF SELECTION, IMAGES
AND EVALUATION OF EVENTS)**

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ двух мемуарно-автобиографических произведений об Отечественной войне 1812 года. Целью статьи является выявление типологических черт жанра военных записок в русской мемуаристике первой трети XIX века. Записки принадлежат авторам «второго ряда», не занимающихся литературной деятельностью профессионально. На основе анализа делается вывод, что такой жанр мемуарной прозы, как военные записки, имеет свою особую типологию, выраженную в принципах отбора, изображения и оценки событий.

Ключевые слова: мемуары, военные записки, типология, Отечественная война 1812 года, субъективная оценка, художественная обработка.

Abstract. The article presents a comparative analysis of two autobiographical memoirs of the War of 1812. The purpose of this paper is to identify typological features of the genre of Russian military notes memoirs of the first third of the 19th century. The notes belong to the authors of the “second row” not engaged in literary work professionally. Basing on the analysis the researcher concludes that the genre of memoir prose, the military notes, has its own typology, expressed in the principles of selection, images and evaluation of events.

Key words: memoirs, military notes, typology, War of 1812, a subjective evaluation, artistic treatment.

Приступая к исследованию такого вопроса, как типология жанра военных записок первой трети XIX века, необходимо отметить тот факт, что на сегодняшний день нет единой и общепринятой системы классификации мемуарной прозы в целом и военной мемуаристики в частности. Мы будем придерживаться того определения жанра мемуаров, которое находим в словарной статье Г.В. Якушевой [8]: «Мемуары (фр. *Memoires* – воспоминания) – разновидность документальной литературы и в то же время один из видов так называемой исповедальной прозы <...>. Представляет собой повествование участника или свидетеля общественно–политической, социальной, литературно–художественной жизни о событиях, свидетелем или действующим лицом которых он был, а также о людях, с которыми он общался <...>. Устойчивые признаки жанра: фактографичность, событийность, ретроспективность, непосредственность авторских суждений, живописность, документальность. Непременным свойством мемуаров является их субъективизм – как в отборе фактов, так и в их освещении и оценке <...>» [8, стб. 524–525].

В литературе существуют различные формы и виды мемуарного текста (мемуары, дневники, воспоминания, автобиографии), имеющие между собой как сходство, так и различие.

В нашей статье через призму мемуаристики рассмотрены записки А.К. Карпова и А.И. Антоновского. Записки – «это жанр, связанный с размышлениями о пережитом и подразумевающий выражение личного отношения автора или рассказчика к описываемому» [5, стб. 276].

Военные записки первой трети XIX века уже становились предметом исследования ученых-филологов (Е.Е. Приказчикова [6], Т.Ю. Томилина [7]). В них основным объектом изучения были наиболее яркие и довольно хорошо известные, художественно обработанные произведения («Военные записки» Д.В. Давыдова, «Записки кавалерист-девицы» Н.А. Дуровой, «Письма русского офицера» Ф.Н. Глинки и др.).

Авторы, рассматриваемые в нашей статье, могут быть отнесены скорее к группе военных мемуаристов «второго ряда», но изучение источников такого рода необходимо для выявления жанровых особенностей, формирующих типологию жанра военных записок в целом.

«Записки полковника Карпова. 1807 – 1837.» [4] Алексея Карповича Карпова (ок. 1790 – после 1837) и «Записки походов и военных действий с 1812 по 1816 г.» [1] Антона Ивановича Антоновского (1788 - ?) написаны на рубеже 30-х – 40-х годов XIX века и посвящены событиям Отечественной войны 1812 года.

Несмотря на то что авторы-мемуаристы являлись выходцами из разных социальных слоев (А.К. Карпов воспитывался в Новгородском Военно-Сиротском отделении для солдатских детей; А.И. Антоновский родился в семье дворянина, в Полтавской губернии), они имели общую внутреннюю потребность запечатлеть события периода Отечественной войны 1812 года – периода, « <...> незабвенного для России и достопамятного для всей Европы» [1, с. 3]. Этому стремлению во многом способствовали отечественный характер войны, чувство значимости индивидуального опыта автора-участника, зарождение общественного самосознания. Таким образом,

для достоверного отображения военных действий жанр военных записок был наиболее оправданным и приемлемым.

Буквально с первых строк «Записки» А.К. Карпова (ведутся погодно, начиная с августа 1805 года – времени зачисления в армию), подкупают читателя своей простодушной откровенностью: «Я расскажу вам всё, что знаю, и надеюсь, что вы уверитесь в правде слов моих. Записки мои более относятся к моей жизни, сюда помещено всё то, что во время службы моей я мог заметить приятного, и какие были со мной неприятности <...>» [4, с. 13].

А.И. Антоновский руководствовался аналогичными убеждениями и приступил к ведению своего дневника (на основе которого появились «Записки»), «не позволяя себе решительно преувеличения, сокращения, а всего более ощущения того, что нужно, и что послужило даже к невыгоде нашей» [1, с. 5]. Кроме того, А.И. Антоновский, в отличие от А.К. Карпова, также ориентировавшегося на будущих читателей, открыто говорит о желании опубликовать свои «Записки»: «Наперед предворяю своих читателей (если это случится) <...>» [1, с. 5]. Это во многом обусловило попытку обоих авторов подвергнуть свои записки литературно-художественной обработке.

Следуя установке на описание наиболее важных происшествий, случившихся с ними в военный период, мемуаристы, по мере своей открытости и способности взглянуть на себя со стороны, отображали личные качества, черты характера, чувства, переживания и настроения.

А.К. Карпов на протяжении всего обучения в Военно-Сиротском отделении и последующей службы пытался трудом и упорством повысить уровень своего гражданского и военного образования, продолжать профессиональный рост (низкое происхождение было серьезным препятствием в вопросе повышения по службе). Сразу после зачисления в 10-й Артиллерийский полк (27 августа 1805 года) его назначили в канцелярию вместо ротного

писаря, несмотря на неопытность: «<...> но я очень мало знал ход дела, однако был способнее моего ротного командира» [4, с. 2]. Такая расположенность командования сказалась положительно: «<...> и я доверенность своего командира никогда не употреблял во зло и истинно исполнял всё с усердием» [4, с. 2]. Дальнейшие повышения по службе способствовали развитию ещё большей целеустремлённости: «<...> а это самое меня ободрило (должность бомбардира), я заметил, что начальники на своих подчинённых, когда они исполняют все их приказания в точности, то они о них помнят» [4, с. 2].

А.И. Антоновский ведёт свои «Записки» с конца 1810 года (окончание войны со Швецией), являясь к тому времени поручиком 26 егерского полка, и довольно самокритично описывает свой уровень подготовки и психологическое состояние, замечая, что «неопытность всё видит, всё слышит, не так и всё принимает и постигает в преувеличенном виде» [1, с. 32]. Тревожное чувство от сознания близкого расположения противника с трудом преодолевается автором, вспоминающем любимую пословицу А.В. Суворова «У страха глаза большие» [1, с. 37].

Служебные тяготы и проблемы, отношение к военному начальству, – из этих жизненных аспектов складывались армейские будни авторов-мемуаристов. А.К. Карпов искренне сочувствует положению русских солдат, которые в мирное время страдали чуть ли не больше, чем в Отечественную войну 1812 года, когда тяжёлая работа и недостаточное питание приводили к массовым заболеваниям и гибели. Так он высказывается о ситуации в 1810 году: «<...> войска, бывшие в Кронштадте, были подобны нищим, особенно пехотные солдаты, которые даже к нам в казарму приходили просить милостыню» [4, с. 10]. Многочисленные фрагменты описания трудностей солдатской жизни свидетельствуют о том, что А.К. Карпов ставил себя в один ряд с простыми защитниками русской земли и заботу о них считал своим долгом.

А.И. Антоновский, окружение которого составляли преимущественно офицеры, в

минуты душевной дисгармонии и резких перепадов настроения во время военных переходов, так сказать «со стороны», занимался наблюдением за поведением русских солдат, служивших для него примером стойкости и силы духа. Он, как и А.К. Карпов, не может равнодушно смотреть на гибель воинов, но потерю человека воспринимает иначе: для А.И. Антоновского солдат – это внесловная личность с индивидуальным внутренним миром и судьбой, и его жизнь ценна по определению.

А.К. Карпов уделяет большое внимание описанию характеристик своих соратников и военачальников, относясь ко многим достаточно критически: «Торнов (подполковник) же, склонный к грабительству, отнимал хомуты и лошадей у проезжих польских помещиков» [4, с. 14]. Далее он пишет о полковнике Мерлине: «<...> этот старый обманщик, <...> он всех негодных из своей роты лошадей отдал нам, подобно браку» [4, с. 11]. Показателен довольно нелестный отзыв о генерал-майоре Левенштерне, проводившем осмотр роты и оставшемся довольным всем, «<...> потому что его желудок остался сыт» [4, с. 13]. На фоне таких примеров А.К. Карпов стремился в более выгодном свете представить собственные военные заслуги.

А.И. Антоновский по-другому относится к окружающим людям и сосредоточивает своё внимание на достижениях и успехах сослуживцев, более глубоко анализируя их поступки. Автор с радостью вспоминает встречу с бывшим земляком и товарищем Гавриленко: «Он перешагнул меня чином, и я несколько не мог завидовать тому, а радовался, ибо счастье распределено между людей не поровну» [1, с. 42]. Храбрость полководцев в «Записках» мемуариста выступает в качестве образца для молодых и неопытных воинов, которые, глядя на полковника Рота, не бросают свои позиции и стоят до конца, а генерал Витгенштейн, не обращая внимания на ранение в голову, демонстрирует пример хладнокровия. С особым почитанием А.И. Антоновский описывает личность Я.П. Кульнева –

героя Отечественной войны 1812 года (это фактически единственный пример портретного описания в «Записках» у А.И. Антоновского; у А.К. Карпова этот элемент отсутствует), носившего черные усы и бакенбарды, а в жаркую погоду надевавшего красную русскую рубашку. Внешняя колоритность сочеталась с образцовыми внутренними качествами: «Роскоши он был первый враг, не был изнеженный и прихотливый и во всем соблюдал умеренность» [1, с. 88].

Эпизоды с награждением А.К. Карпова и А.И. Антоновского весьма показательны в плане характеристики авторов. В 1814 году А.К. Карпов воевал в Пруссии и после очередного сражения « <...> получил от Прусского короля крест пурлемерит (с фр. «*rouge les mrites*» - «за заслуги»), а от своего государя ничего» [4, с. 46]. А.И. Антоновского награда обошла вовсе, и, скорее всего, незаслуженно, но он оценивает этот эпизод (в 1812 году его рота обратила в бегство баварский отряд около деревни Белой в Белоруссии) с другой позиции (ценность поступка, а не награды): «Я исполнил мой долг и в полной мере почитаю себя награждённым в душе моей» [1, с. 135].

Тема войны доминирует в «Записках» А.К. Карпова, отдельно, как в хронике, выделяющего каждое значительное сражение со своим участием («Сражение под Витебском 14 июля», «Сражение под Смоленском 5 августа», «Сражение при селе Бородино» и др.). Здесь автор наиболее полно выражает свои ощущения, человеческую позицию, мысли о жизни и смерти. Так ему запомнился первый бой: « <...> и тут я первый раз в жизни увидел, как наши ядра попадали в колонны и били людей <...>, мы стрелять стали картечью, я также увидел в первый раз, как смертоносное сие изобретение, истребляет людей» [4, с. 15]. Впечатления затмевают другие аспекты боя (тактика, действие своего отделения) и способствуют появлению элементов фольклорного начала: « <...> картечь, прыгая по земле подобно злейшей змее» [4, с. 15] (олицетворение), а солдаты часто называются на древнерусский манер

«ратниками». Описание Бородинской битвы отличается поэтичностью: «Тысяча жерл извергали везде смерть» [4, с. 19], а также гиперболизацией событий: «Это сражение можно сравнить, как будто бы развергся ад, мне казалось, что земля дрожала при таком извержении тысячи смертей» [4, с. 19].

Война, по мнению автора, неизбежное явление человеческой деятельности: «Всякий знает, что война сама собой не есть добро, однако и без нее часто бывает не обойтись, а по сей причине терпит народ и войско все её ужасы» [4, с. 51]. А.К. Карпов, пытаясь анализировать военные действия древности и современности, приходит к заключению, что « <...> ныне совсем другое: жители остаются живы и не берут их в плен, они только лишаются почти всего своего имущества и скота» [4, с. 51]. Не ускользает от внимания и вопрос довольно не простых взаимоотношений на фронте, когда человек может делать добро другим, исходя из личных выгод « <...> или причинять им по возможности менее зла, когда по несчастию бываем принуждены вредить, во время войны, почти всегда случается противное» [4, с. 18]. К врагам-французам А.К. Карпов относится с уважением, как к храбрым воинам, а эпизод, когда солдаты снимали одежду с пленных французов и отпускали без еды и приюта на верную гибель, приводится как вполне обыденное явление, не вызывающее особенных эмоций.

В «Записках» А.И. Антоновского батальные описания не являются доминирующими, но они не менее эмоциональны и оригинальны. Основной их особенностью является скорее не простое осмысление военных эпизодов, а их созерцательное (духовно-интуитивное) восприятие, что способствует особой меткости сравнений: «Беспрестанный треск ружейных выстрелов и гром пушек представлял воображению моему изменение самой природы» [1, с. 63] или: « <...> огнедышащие жерла с обеих сторон продолжали свои губительные действия, и люди, как снопы, валились» [1, с. 116]. В первом бое у деревни Якубовой автор проявил силу своего ха-

рактера и подавил чувство страха перед вражескими ядрами, тем самым отстояв свою артиллерию: « <...> довольно на первый раз для 22-х летнего воина испытаний его храбрости» [1, с. 62].

Сильнейший всплеск чувств, оставивший глубокий след в памяти мемуариста, вызывают русские воины, так как восприимчивость и чуткость к окружающим была особенностью его характера. « <...> великого духа ты, товарищ и верный патриот отечества» [1, с. 125], – с восхищением говорит А.И. Антоновский о солдате, потерявшем руку, но не желающем бросать оружие и амуницию. Война в целом представляется автору своеобразной лотереей, результат которой предвидеть невозможно, в связи с чем остаётся лишь ожидать окончания: «Война – карточная игра» [1, с. 40]. Противник вызывает у мемуариста чувство глубокой неприязни, и это чувство переносится и на всех французских солдат, которые потеряли человеческий облик и стали подобны бездушному механизму: « <...> от всегдашней войны одичали, загубели в чувствах, охладели к святыне и ко всему стали равнодушны. Храм их был поле битвы, Наполеон – идол» [1, с. 98].

Говоря о религиозном аспекте и элементах мистики, присутствующих в записках, следует учитывать особую черту русских людей того времени, наличие так называемого «бытового православия» [3, с. 79], пронизывающего все сферы жизнедеятельности человека. Содействие высших сил в военном деле традиционно (со времён Древней Руси) считалось залогом победы, и это не случайно, так как выход из сложных ситуаций приписывался Божественному промыслу: « <...> я думал, что должен в сей день погибнуть со всеми моими людьми, однако Бог спас» [4, с. 35] (А.К. Карпов о сражении при Бауцине в 1813 году).

Мистицизм на войне также имел место и был связан с верой в predeterminedность событий. Так, А.К. Карпов предсказал ранение своему барабанщику Филиппову, а А.И. Антоновскому несколько раз снился один и тот

же сон, после которого следовало очередное ранение. У А.И. Антоновского религиозная тематика является лейтмотивом его «Записок»: он с трепетом слушает звук колокола, который « <...> привёл в умиление, пробудив как от сна – суеты мира, исполнил благоговения» [1, с. 111], или говорит с чувством религиозного восторга о Боге: «Углубляясь во всё это, ты увидишь величие Бога и в размере того осознаешь человеческое ничтожество» [1, с. 198] (о причинах поражения армии Наполеона).

Авторам-мемуаристам не чужда чисто человеческая и эстетическая любознательность путешественников, выраженная в интересе к достопримечательностям европейских городов (у А.К. Карпова), а также в наслаждении природными красотами (у А.И. Антоновского). Проходя через множество городов западной Европы, А.К. Карпов ведёт записи всех поразивших его явлений и событий: « <...> в Бунцлаве видел я глиняный горшок удивительной величины...» [4, с. 30], « <...> в том же городе видел я муки Иисуса Христа, всё движется машиной в маленьком виде» [4, с. 30] (куклы-марионетки). В Лейпциге автор посещает театр и осматривает архитектуру зданий, в Париже его внимание привлекает Компьенский дворец и вещи Наполеона.

А.И. Антоновский переключает свой взор на окружающую природу и испытывает романтические переживания: «В некоторых местах с возвышенности открывались равнины, терявшиеся в безбрежном пространстве, и рождались воображения, не тут ли будет наше свидание с французами?» [1, с. 6]. Природные явления описаны с примесью лиризма, художественной выразительности («солнышко», «игривый ветерок» и др.).

Фактографичность – устойчивый признак жанра мемуаров, предполагающий наличие достоверных сведений о произошедшем, поэтому оба автора разграничивают виденное собственными глазами и услышанное от других лиц: « <...> я сие ведаю по одним тогдашним слухам» [4, с. 21] (А.К. Карпов о количестве потерь в Бородинской битве) или: «У

меня не достаёт столько слов, чтобы выразить всё мною виденное на самом деле» [4, с. 37] (А.К. Карпов о сражении под Кульмом).

А.И. Антоновский в самом начале «Записок» просит отнестись к его сведениям с пониманием того, что он лишь строевой офицер и его кругозор, видение военных действий довольно ограничены. При всём этом рассматриваемые нами мемуарные произведения отличаются наличием фактических дат, исторических названий, хронологией действий.

Благодаря сравнительному анализу военных записок А.К. Карпова и А.И. Антоновского мы выявили типологические черты данного жанра мемуаристики, которые заключаются в специфике отбора, изображения и оценки событий. Так как мемуарный жанр является субъективным, для текстов записок отобраны эпизоды военных действий с личным участием, а также всё, что авторы сочли интересным и достойным внимания (бытовые детали, рассуждения, взаимоотношения и др.). Вместе с тем, А.К. Карпов более сконцентрирован на своем внутреннем мире и личных проблемах, а А.И. Антоновский переносит свои чувства на окружающую действительность. Изображение событий, во многом зависящее от творческих способностей мемуариста, воображения, образования, происходит исходя из устойчивых компонентов жанра (1 – описание целей записок и собственной персоны; 2 – описание службы; 3 – характеристика начальства и сослуживцев; 4 – батальные описания; 5 – религиозные и мистические мотивы;

6 – эстетическая любознательность, изображение природы; 7– фактографичность). Практически каждое важное событие с участием автора не просто фиксируется в тексте, а подвергается аналитической оценке. Также заметна местами художественная обработка текстов, характеризующаяся присутствием фольклорных элементов, лирических отступлений и связанная с ориентацией на публикацию записок.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Антоновский А.И. Записки походов и военных действий с 1812 по 1816 г. // Харкевич В. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. – Вильна, 1904. – Вып. 3. – С. 2 – 207.
2. Белая Е.И. Белорусская и русская проза о войне начала XX века: проблема ментальности творческой личности // Вопросы филологических наук, 2007. – №5. – С. 20 – 29.
3. Ивченко Л.Л. Повседневная жизнь русского офицера эпохи 1812 года. – М.: Молодая гвардия, 2008. – 695 с.
4. Карпов А.К. Записки полковника Карпова. 1807 – 1837. – Витебск, 1910. – 136 с.
5. Николюкин А.Н. Записки // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. Николюкина А.Н. – М.: НП К «Интелвак», 2001. – 1600 стб.
6. Приказчикова Е.Е. «Записки кавалерист-девицы» Н.А. Дуровой и военная мемуарная литература I половины XIX века.:Дисс. ... канд. филол. н. – Екатеринбург, 1995. – 215 с.
7. Томилина Т.Ю. Русская военная мемуаристика первой трети XIX столетия. Дисс. ... канд. филол. н. – Херсон, 2004. – 212 с.
8. Якушева Г.В. Мемуары // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. Николюкина А.Н. – М.: НП К «Интелвак», 2001. – 1600 стб.